

Трудно играть в гения тридцать лет подряд

Россия. - 2002. - 2 авг. - с. 14

В чем сила, МХАТ?

Ян Смирнинский

Вчера в чеховском МХАТе между юбилеем народного артиста России Виктора Гвоздицкого премьерой «Сонечки» Людмилы Улицкой вспоминали Олега Николаевича Ефремова, которому исполнилось бы 75 лет.

Теперь «ефремовина» стала настоящей мхатовской традицией в отличие от того, что раньше она воспринималась неизлечимой мхатовской болезнью. Та же тусовка на Новодевичьем, тот же Швыдкой у микрофона, но чувствуется близость к Станиславскому, почтительное «наш учитель». Чувствуется в речах, в премьере фильма «Слово о Ефреме», в реставрированной версии последней режиссерской работы Олега Николаевича «Три сестры», также показанной в его честь.

Не сразу все простились Ефремову. Всякую память он оставил

о себе за тридцать лет правления театром. Как говорил Вульф, «предавал, его прощали, но не забывали». Память свежа и по распаду МХАТа, по тому, как многие ведущие артисты оставляли его просто и пресно, без боя. А это — самое обидное. Так что «плохого Ефремова» теперь в упор не стесняются: сдисали в вожди. Говори что хочешь.

Табакوف, конечно, не вошел и не мог войти в разбитый и разоблаченный театр на белом коне. Никто толком не знал, что делать, в том числе и Минкульт. Пришлось работать на противопоставление.

«Искореним пьянство, коррупцию и халтуру» — вот первые слова Табакова на посту худрука. Искоренили. Пустые бутылки теперь не валяются и по углам. Но что за этим? Табакوف, безусловно, любимый и народный (в большей степени благодаря закадровому коду Матроскину), потянуть фабрику театральных грёз в одиночку не смог. Оглянувшись, а приглашать некого, пришлось выбирать из Николая Скорика, Светланы Враговой или Марины Брусникиной. Они вкусные режиссеры, как и сам Табакوف. И сегодня играет в театре 14 ролей. За камерным состоянием МХАТа чувствуется желание законсервировать то, что есть, отсидеться и не девальвировать вконец театр, не знаящий, чью сторону ему принять.

Никто и никогда не держал МХАТ в ряду других, его провалы были «провалами самого МХАТа». На них учились. Ефремов же был последним крупным режиссером, стоящим у руля действительно гегемона российской сцены. То, что началось за ним, — уже политика. Вычисление, просчитывание ходов, «обновление» да «омоложение». Но нет человека, «знающего как». МХАТу нужна лич-

ность. Которой все не помеха, которая не смотрит на битвы у окошечка администратора (ставшие легендой) и которая задает тон в артистическом мире и по части сцены, и по части оформления, музыки, русской речи.

Да, еще совсем недавно нормы произношения в стране устанавливались на основании сложившейся в Художественном театре фонетической школы. А сейчас они вообще не говорят: интервью сторонятся, рекламы сторонятся, всего сторонятся. Пусть лучше театр сгорит, выбран неправильный, «пошлый» путь, хуже всего — это его безмолвие, боязнь реальности в тот момент, когда, казалось бы, только и надо жить и благоухать.

И, может быть, именно новая русская литература, пока нет крупных «артов» (если только во главу МХАТа не поставят Машкова), станет тем личностным проводником, который способен поднять такую машину. Последняя премьера «Сонечки» пера Людмилы Улицкой как раз повествует о женщине, которая выбрала литературу (читво) своим духовным пастырем. А маленький МХАТ даже с большим Ефремовым нам не нужен.

Став символом, Ефремов стал угоден всем